

RU

Лексико-семантические модели репрезентации эскапизма в современной художественной прозе (на материале русскоязычных текстов магического реализма и научной фантастики)

Фёдоров Н. А.

Аннотация. В статье на материале корпуса из 39 романов на русском языке, репрезентирующих жанры магического реализма и научной фантастики, анализируются контекстуальные паттерны употребления лексем «уход» и «бегство» с использованием корпусных инструментов и последующей ручной верификации контекстов. Цель исследования – систематизация выявленных жанрово-специфических лексико-семантических моделей репрезентации феномена эскапизма в современной русскоязычной прозе на материале текстов магического реализма и научной фантастики. Научная новизна состоит в том, что впервые на материале русскоязычных текстов двух жанровых сегментов с помощью цифровых методов выявлены, типологизированы и системно описаны устойчивые контекстуальные паттерны лексем «уход» и «бегство», а также установлены жанрово-специфические модели репрезентации эскапизма. В результате исследования разработана 14-компонентная типология эскапистских контекстуальных паттернов ключевых лексем «уход» и «бегство». Показано, что жанровая специфика обуславливает дифференциацию языковых моделей репрезентации феномена: в магическом реализме лексема «уход» вербализует интроспективно-пространственные конструкции с метафорикой дематериализации и ментального погружения без полного отчуждения телесности, а «бегство» репрезентирует реактивно-кризисные состояния; в научной фантастике «уход» инструментализируется посредством цифровых технологий и физиологического отстранения от телесности, тогда как лексема «бегство» фиксирует социальную дезадаптацию.

EN

Lexical-semantic models of representing escapism in contemporary fiction (based on Russian-language texts of magical realism and science fiction)

N. A. Fedorov

Abstract. Based on a corpus of 39 Russian-language novels representing the genres of magical realism and science fiction, the article analyzes the contextual usage patterns of the lexemes “уход” (“withdrawal/departure”) and “бегство” (“flight/escape”) using corpus tools followed by manual context verification. The purpose of the study is to systematize the identified genre-specific lexical-semantic models representing the phenomenon of escapism in contemporary Russian-language prose across magical realism and science fiction texts. Scientific originality lies in the fact that, for the first time using digital methods on Russian-language texts from two genre segments, stable contextual patterns of the lexemes “уход” and “бегство” are identified, typologized, and systematically described, establishing genre-specific models of representing escapism. As a result of the study, a 14-component typology of escapist contextual patterns for the key lexemes “уход” and “бегство” was developed. It is shown that genre specificity determines the differentiation of linguistic models representing the phenomenon: in magical realism, the lexeme “уход” verbalizes introspective-spatial constructions with metaphors of dematerialization and mental immersion without the complete alienation of corporeality, whereas “бегство” represents reactive-crisis states; in science fiction, “уход” is instrumentalized through digital technologies and physiological detachment from corporeality, whereas the lexeme “бегство” registers social maladaptation.

Введение

В условиях тотальной цифровизации и роста экзистенциальной напряженности эскапизм становится одной из важнейших моделей социокультурного поведения, что находит отражение в современной художественной литературе. Особый интерес представляют жанры магического реализма и научной фантастики, которые, как показано в работах исследователей (Кагарлицкий, 1974; Ляпунов, 1975; Топоров, 1995; Шамсутдинова, 2008; Кабанова, Селиверстова, 2020), предлагают принципиально разные концептуальные модели ухода от реальности. В филологической традиции магический реализм осмысливается через категорию мифопоэтического двоемирия, где чудесное не противопоставляется бытовому, а органически интегрируется в ткань повествования (Топоров, 1995; Гугнин, 1998, с. 107; Bowers, 2004, р. 67). Научная фантастика, напротив, конструирует альтернативную реальность на основе научно-технологического допущения и социальной экстраполяции (Кагарлицкий, 1974, с. 15; Ляпунов, 1975, с. 10; Бритиков, 2005; Lovén, 2010). Разграничение этих подходов позволяет выявить специфику репрезентации иномирия и трансформации художественного пространства в анализируемых текстах. При этом вопрос о том, какими именно языковыми средствами эти модели реализуются в художественном тексте, остается открытым.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления языковых механизмов репрезентации эскапизма как социокультурного явления, которое находит свое воплощение в пространстве художественной прозы, поскольку последняя не ограничивается лишь фиксацией объективной действительности, а служит активной средой для моделирования и трансляции культурных стратегий бегства от действительности (Теславская, Кардапольцева, Беловол и др., 2017, с. 54). Художественная проза, в частности жанры магического реализма и научной фантастики, предоставляет богатый материал для изучения феномена эскапизма, поскольку данные жанры демонстрируют принципиально различные концептуальные подходы к преодолению конфликта с реальностью: в одном случае это мифологизированная модель двоемирия (Гугнин, 1998, с. 107; Bowers, 2004, р. 67), в другом – технологически сконструированные альтернативные реальности (Бритиков, 2005; Lovén, 2010, р. 17-19). Кроме того, изучение художественных текстов открывает возможность для системного описания языковых средств, задействованных в реализации этих сценариев.

Вместе с тем следует признать, что, имея в своем распоряжении богатый инструментарий цифровых методов, современная гуманитарная наука не задействует их в полной мере при изучении эскапизма.

Необходимость применения цифровых методов для исследования эскапизма обусловлена спецификой самого этого феномена. Будучи по своей природе сложным социокультурным и ментальным образованием, эскапизм крайне редко получает в художественном тексте прямую номинацию (прямое употребление термина «эскапизм» практически отсутствует в текстах романов). Данный феномен реализуется имплицитно – через набор контекстуальных паттернов, устойчивых синтаксических связей. Корпусный подход дает возможность выявить скрытые за поверхностной структурой текста устойчивые жанровые дистрибуции лексем-репрезентантов и показать, что наблюдаемые модели концептуализации эскапизма носят не случайный, а системный языковой характер.

Указанное обстоятельство диктует настоятельную потребность в смене исследовательской оптики: литературоведческие интерпретации необходимо подтвердить эмпирически выверенным анализом собственно языкового материала. Применение корпусных процедур (включая KWIC-анализ и стилометрию) по отношению к художественным текстам даёт возможность не только достичь объективности при выявлении устойчивых контекстуальных паттернов, но и подвергнуть проверке сложившиеся в литературоведении гипотезы касательно жанровой специфики исследуемых форм повествования. Таким образом, исследование формирует прецедент, где цифровые инструменты служат достаточно надежным средством создания эмпирической базы для анализа художественного текста, позволяя описать языковые средства репрезентации феномена эскапизма.

Предметом исследования являются контекстуальные паттерны употребления лексем «уход» и «бегство» как ключевых языковых репрезентантов феномена эскапизма в двух жанровых сегментах современной художественной прозы на русском языке – магическом реализме и научной фантастике. Анализу подвергаются семантические и прагматические характеристики контекстов (KWIC), в которых реализуются эти лексемы. Кроме того, проводится их дискурсивная интерпретация в рамках моделей ухода от реальности, реконструируемых на основе качественного анализа отобранных контекстов.

Теоретической базой исследования послужили труды Н. В. Лукашевич (2011) и Н. А. Камайдановой (2017), посвящённые моделированию лексико-семантических полей и системным отношениям между лексическими единицами; работы О. И. Теславской (Теславская, Кардапольцева, Беловол и др., 2017) и Р. Е. Мантова (2003), в которых анализируется эскапизм как социокультурный и психологический феномен; фундаментальные литературоведческие исследования в области функционирования жанров магического реализма и научной фантастики, которые рассматриваются не как изолированные художественные системы, а как взаимосвязанные способы моделирования пограничных состояний бытия (Кагарлицкий, 1974; Ляпунов, 1975; Топоров, 1995; Гугнин, 1998; Bowers, 2004; Бритиков, 2005; Lovén, 2010); современные исследования по теории жанров – труды Е. Г. Масловой (2012), Н. З. Шамсутдиновой (2008), Н. Е. Кабановой, М. О. Селиверстовой (2020), А. А. Зубова (2016) и О. О. Путило (2024), рассматривающие жанровые особенности магического реализма и научной фантастики.

Кроме того, стоит упомянуть работы по корпусной лингвистике и стилометрии (Anthony, 2005; Sinclair, Rockwell, 2016), обосновывающие применение цифровых инструментов для анализа художественного текста.

Материалом исследования послужил корпус из 55 романов на русском языке (16 оригинальных и 39 переводных), репрезентирующих эскапистские дискурсы в рамках жанров магического реализма и научной фантастики. Отбор текстов производился на основе научных исследований, подтверждающих их принадлежность к указанным жанрам (проанализировано 62 академических источника за период 2008-2025 гг., включая статьи, диссертационные работы и монографии). Исследовательский массив был структурно разделён на два жанровых сегмента: подкорпус магического реализма (28 текстов: 8 оригинальных русскоязычных и 20 переводных) и подкорпус научной фантастики (27 текстов: 8 оригинальных русскоязычных и 19 переводных). В ходе стилометрической верификации с использованием метода Classic Delta был выявлен ряд текстов-медиаторов (антиутопии Е. Замятина и О. Хаксли, а также отдельные произведения С. Кинга и М. Петросян), демонстрирующих стилистическую неоднородность; для обеспечения однородности анализируемого материала они были исключены из финального корпуса. В результате финальный корпус составил 39 романов (20 текстов магического реализма: 7 оригинальных и 13 переводных; 19 текстов научной фантастики: 7 оригинальных и 12 переводных).

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1) предложить теоретико-методологическое обоснование выбора ключевых лексем-репрезентатов феномена эскапизма («уход», «бегство») и провести их лексикографический анализ на основе толковых, энциклопедических словарей, синонимических ресурсов и данных тезауруса RuWordNet для выявления их семантической структуры в общеязыковом сознании;

2) сформировать эмпирическую базу исследования – два жанровых подкорпуса текстов магического реализма и научной фантастики – и провести их стилометрическую верификацию для подтверждения жанровой консистентности;

3) осуществить контекстуальный анализ (KWIC) употреблений лексем «уход» и «бегство» в каждом из подкорпусов с ручной классификацией выявленных эскапистских контекстов по доминирующему семантическому компоненту;

4) провести сравнительно-сопоставительный анализ полученных эмпирических данных и охарактеризовать различия в функционально-семантической нагрузке изучаемых лексем в зависимости от жанровой принадлежности текста.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач и включает три последовательных этапа. Начальный этап – лексикографический – направлен на идентификацию ключевых лексем, репрезентирующих эскапизм, подкрепленную семантической аргументацией. В рамках данного этапа мы обращаемся к лексикографическим материалам (толковым, энциклопедическим словарям, а также словарям заимствований), привлекаются ресурсы тезаурусного типа, в частности RuWordNet. Такая многоаспектная работа даёт возможность эмпирически закрепить языковую модель эскапизма, функционирующую в обыденном языковом сознании (Лукашевич, 2011, с. 89), и обеспечить доказательную базу для включения в аналитический корпус лексем «уход» и «бегство». На этом же этапе привлекаются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) как эталон узусного употребления.

Второй этап – корпусный – связан с формированием эмпирической базы и извлечением контекстов. Исследование проводится на материале корпуса из 55 романов (Фёдоров, Северина, 2026, с. 244-255). С помощью корпус-менеджера AntConc (Anthony, 2005) и инструментария Voyant Tools (Sinclair, Rockwell, 2016) извлекаются контексты употребления лексем «уход» и «бегство» (формат KWIC). Корпусные инструменты служат средством формирования репрезентативной выборки для последующего качественного анализа.

Третий, центральный этап – качественный контекстуальный анализ. Отобранные контексты анализируются вручную: это позволяет снять лексическую многозначность, выявить устойчивые контекстуальные паттерны и определить дискурсивные функции исследуемых лексем. На этом этапе каждый контекст классифицируется по доминирующему семантическому компоненту (пространственное перемещение / психологическое состояние / технологический переход), а также фиксируются устойчивые синтаксические конструкции (например, «уходить в» + сущ. вин. п.). Анализ проводится отдельно для каждого подкорпуса, что даёт возможность выявить жанровую специфику и реконструировать концептуальные модели эскапизма, характерные для магического реализма и научной фантастики. Выявленные паттерны сопоставляются с литературоведческими гипотезами о жанровой природе эскапизма (Шамсутдинова, 2008; Кабанова, Селиверстова, 2020).

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении курсов по лингвистическому анализу текста, стилистике, теории языка, а также в рамках спецкурсов и спецсеминаров по корпусной лингвистике и дискурсивным исследованиям художественного текста. Полученные данные могут найти применение в процессе преподавания дисциплин, связанных с интерпретацией художественного произведения, а также при разработке учебно-методических материалов по анализу языковых средств репрезентации социокультурных феноменов. Предложенная методика сочетания корпусных инструментов с ручной верификацией контекстов может быть востребована в исследовательской практике при анализе других социокультурных феноменов на материале художественной прозы.

Исследование носит характер разведочного анализа данных. Акцент делается не на проверке априорных гипотез, а на систематическом выявлении и описании контекстуальных паттернов, которые затем получают дискурсивную интерпретацию.

Обсуждение и результаты

Ввиду сложности и многоаспектности феномена эскапизма возникает необходимость подробного описания его понятийной структуры. Анализ словарных дефиниций позволяет очертить рамки исследования и теоретически обосновать выбор лексем-репрезентантов для последующего корпусного анализа.

Для выявления и описания семантического наполнения исследуемых единиц представляется методологически необходимым провести сопоставительный анализ словарных дефиниций, синонимических рядов и семантических связей, зафиксированных в идеографических словарях и тезаурусах. Подобное сопоставление позволяет объективировать языковую модель исследуемого явления в общезыковом сознании (Лукашевич, 2011, с. 89) и служит основой для последующего анализа его репрезентации в художественном тексте. В различных лексикографических источниках были найдены следующие определения эскапизма:

- *Уход от действительности, жизненных проблем в вымышленный, придуманный мир* (Большой толковый словарь русского языка, 2004).
- *Стремление уйти от реальностей повседневной жизни, бытовых проблем и т. п., особенно тяга к абстрактным суждениям в разного рода духовной, интеллектуальной деятельности; поведение, характеризующееся этой тенденцией* (Комлев, 2006).
- *Стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий и фантазий; эскапада* (Ефремова, 2000).
- *Стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бесилия, отчуждения* (Большой энциклопедический словарь, 2002).
- *Невротическое бегство от реальности, например, в мир фантазий* (Энциклопедический словарь по психологии и педагогике, 2012).

Сравнительно-сопоставительный анализ словарных дефиниций показал, что центральным значением понятия «эскапизм» является «*уход от реальности*»; в ряде случаев оно также определяется как «*бегство от реальности*». Эскапизм определяется через базовую смысловую цепочку: «стремление → к уходу/бегству → от реальности», поэтому на основе словарных дефиниций были выделены ключевые лексемы, формирующие основу этого явления: <уход/бегство>, <действительность/реальность> и <стремление>.

Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) принимались нами за эталон общезыкового употребления, что позволило сопоставить семантические профили лексем и выделить уникальные контекстуальные связи эскапистского дискурса в магическом реализме и научной фантастике.

Согласно НКРЯ, сочиненным существительным (т. е. семантически наиболее близким слову «эскапизм») является слово *уход*, а среди «похожих слов» (по НКРЯ) выделяются *гедонизм, опрошение, эстетизм, обособление, изоляционизм*. При этом учитывалось, что сама лексема *уход* многозначна и включает непрофильное значение «присмотр, забота»; в связи с этим все контексты прошли процедуру ручной семантической верификации и фильтрации, что позволило отсеять бытовые и омонимичные употребления.

В словарях синонимов основными синонимами к слову «эскапизм» выступают *уход, бегство, эскейпизм* (Словарь русских синонимов; Словарь синонимов русского языка).

Кроме того, были проанализированы данные онлайн-тезауруса для русского языка RuWordNet. Синсеты для слова «эскапизм» в нем не представлены. В связи с этим были проанализированы значения и синсеты для его синонима *уход*. Это слово имеет восемь значений, из которых три имеют связь с рассматриваемым понятием: 1) удалиться или отправиться; 2) спастись; 3) отдалиться, посвятить себя.

Первое значение («*удалиться или отправиться*») фиксирует пространственное измерение эскапизма. В структуре тезауруса RuWordNet этот синсет формируется вокруг гиперонимов *удаление* (дистанцирование от исходной точки) и *отправление* (начало движения к цели) с ключевым гипонимом *выход* (покидание места). Лексикографические данные показывают, что на самом базовом языковом уровне уход концептуализируется как физическое преодоление пространственных границ и смена локации, что в художественном дискурсе разворачивается в модель прагматического перемещения субъекта в альтернативную среду.

Второе значение лексемы («*спастись*») репрезентирует защитную функцию эскапизма. Данный синсет организуется вокруг гиперонима *спасение*, определяющего цель действия, и гипонима *бегство*, конкретизирующего способ его реализации через быстрое удаление от источника опасности. Ассоциативная связь с категорией пространства через гипероним *удалиться* подчёркивает, что в общезыковом сознании эскапизм изначально семантизируется не как пассивное состояние, а как активное защитное дистанцирование субъекта от неблагоприятных факторов внешней реальности.

Особый интерес для лингвистического моделирования эскапизма представляет третье значение лексемы *уход* – «*отдалиться, посвятить себя*» (RuWordNet). В рамках тезауруса RuWordNet рассматриваемый синсет объединяет глагольные обороты, характеризующие максимальную степень погружённости субъекта в некую активность (ср.: *уйти с головой, окунуться с головой, предаться*). Данное значение акцентирует психологическую грань эскапизма, а именно – смещение личностного внимания от внешней среды к внутренней. Присутствие в гипонимическом окружении слова таких единиц, как *углубление, фантазёрство* и *любование*, свидетельствует о том, что уже на уровне словарных дефиниций в семантику ухода имплицитно заложена установка на произвольную подмену объективной реальности психическими конструктами. Этот тезис можно подкрепить обращением к англоязычному аналогу – тезаурусу WordNet, в котором ближайшим семантическим аналогом данного состояния выступает лексема *preoccupation* (*озабоченность, поглощенность, занятость*), фиксирующая полную захваченность сознания внутренними процессами в ущерб внешним стимулам.

Кроме того, при определении понятия «эскапизм» используются лексемы «*действительность*» или «*реальность*». Синсет существительного «*действительность*» формируется вокруг гиперонима «*постоянная сущность*», акцентирующего онтологический статус феномена. Ядро синсета составляют многочисленные синонимичные номинации, подчеркивающие различные аспекты объективного мира: его материальную природу (*вещественность, материальность, материя*), объективный статус (*реальность, объективная*

реальность, объективный мир) и данность (данность, объективная данность). Гипонимическая структура не выражена явно, что характерно для базовых онтологических понятий, отражает общие, фундаментальные свойства явлений, а не конкретные видовые признаки (Камайданова, 2017, с. 8).

Проведенный семантический анализ позволил выделить в структуре исследуемого понятия ключевые содержательные компоненты: *дистанцирование* (уход/бегство), *среда* (действительность/реальность) и *интенция* (стремление). Исследование семантических связей лексемы *уход* – одного из основных репрезентантов идеи эскапизма – выявило её сложную структуру, включающую как физическое дистанцирование (*удалиться, спастись бегством*), так и ментальное погружение (*отдаться, посвятить себя*). Семантика объекта ухода (т. е. действительности) характеризуется через её онтологический статус объективной и материальной данности. Таким образом, эскапизм отражается в языке как комплексный процесс, заключающийся в добровольном или вынужденном дистанцировании от дискомфортной объективной реальности через физическое или ментальное перемещение в иную среду.

Обнаруженные семантические составляющие, выраженные в лексемах «уход» и «бегство», формируют основу для последующего корпусного исследования, задача которого – установить контекстуально обусловленные смысловые нюансы этих единиц в жанрах магического реализма и научной фантастики. Выбор этих лексем обоснован их положением в качестве основных репрезентантов эскапистского дискурса. В отличие от лексем с широкой семантикой (например, «спасение», которое может относиться к религиозному, медицинскому или бытовому контекстам) или абстрактных понятий («реальность», «действительность»), «уход» и «бегство» напрямую передают процессуальную природу эскапизма – динамику перемещения субъекта вовне по отношению к исходной среде. Привлечение для анализа именно двух ключевых номинаций и их рассмотрение в различных контекстуальных окружениях позволяют зафиксировать релевантные жанровые расхождения в их семантике.

Исследовательский массив структурно разделен на два жанровых сегмента:

1. Подкорпус магического реализма (28 текстов: 8 оригинальных русскоязычных и 20 переводных, преимущественно с английского, китайского и испанского языков). Включает произведения Г. Маркеса, С. Рушди, М. Яня, В. Пелевина, И. Альенде и др. Хронологический охват – с 1928 по 2018 гг., с концентрацией во второй половине XX – начале XXI века.

2. Подкорпус научной фантастики (27 текстов: 8 оригинальных русскоязычных и 19 переводных, преимущественно с английского языка). Включает работы У. Гибсона, Н. Стивенсона, С. Лукьяненко, Э. Клайна, Д. Нуна и др. Хронологический охват – с 1930-х по 2010-е гг.

Учитывая дискуссионность жанровых границ магического реализма и научной фантастики (Маслова, 2012; Зубов, 2016; Путило, 2024), был проведен стилометрический анализ. Его задача состояла в том, чтобы проверить, не является ли произвольным распределение произведений по двум жанровым группам (магический реализм и научная фантастика) и отражает ли оно реальные стилистические различия между ними. В качестве основного метода анализа был выбран метод Classic Delta, опирающийся на частотные списки наиболее употребительных слов. С целью обеспечения надежности результатов применялись несколько порогов отбора признаков: от MFW (Most Frequent Words) = 100 до MFW = 1000 с шагом в 100 единиц, что позволило сравнить результаты и объективно выявить произведения, отклоняющиеся от основного жанрового ядра. Параметр Culling был установлен на уровне 0 (то есть фильтрация отсутствовала). Это обеспечило сохранность максимального объема данных.

Результаты стилометрического анализа подтвердили жанровую консистентность исследуемых текстов: произведения магического реализма и научной фантастики образовали устойчивые макрокластеры, демонстрирующие значимые стилистические различия. Вместе с тем был выявлен ряд произведений, демонстрирующих стилистическую неоднородность (С. Кинг, М. Петросян), а также тексты-медиаторы – это антиутопии Е. Замятина и О. Хаксли, относящиеся к жанру научной фантастики, но стилистически близкие к магическому реализму (Фёдоров, 2026, Северина, с. 254–255). Для обеспечения однородности анализируемого материала они были исключены из исследования.

В результате финальный корпус составил 39 романов:

1. Подкорпус магического реализма: 20 текстов, из которых – 7 оригинальных и 13 переводных.
2. Подкорпус научной фантастики: 19 текстов, из которых – 7 оригинальных, 12 переводных.

Корпусное исследование проводилось в два этапа: предварительный анализ частотных словарей и контекстуальный анализ (KWIC). На этапе предварительного анализа использовался инструментарий Voyant Tools (Sinclair, Rockwell, 2016) для первичной обработки данных, визуализации частотных распределений и построения облаков слов по обоим подкорпусам. Основной этап работы, направленный на исследование контекстного окружения ключевых лексем, осуществлялся с помощью корпус-менеджера AntConc (Anthony, 2005). Использование данного инструмента позволило осуществить контекстуальный анализ (KWIC) для верификации жанрово-дискурсивных различий в употреблении лексем «уход» и «бегство».

Частотные списки для корпусов магического реализма и научной фантастики оказались схожими. В подкорпусе магического реализма наиболее частотными лексемами являются: *свой* (10764 вхождений), *сказать* (6218), *человек* (5798), *становиться* (5789), *рука* (5679), *время* (4947), *самый* (4781), *глаз* (4610), *знать* (4269), *голова* (4201). В подкорпусе научной фантастики данные лексемы также возглавляют частотный список с небольшими вариациями частотностей: *свой* (5278 вхождений), *сказать* (4928), *знать* (4340), *рука* (3876), *человек* (3853), *время* (3695), *говорить* (3578), *самый* (3269), *становиться* (3005), *просто* (2852).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что художественному дискурсу в целом свойственна выраженная антропоцентрическая ориентация. При этом в произведениях авторов обеих жанровых групп в роли основных категорий выступают: человек, временные параметры, гносеологическая лексика (глагол *знать*), а также базовые телесные маркеры (*рука, глаз, голова*). Близость количественных показателей и совпадение состава самых частотных слов показывают, что макроанализ всего корпуса не позволяет уловить скрытые жанровые различия. Это делает методологически необходимым переход от подсчета общетекстовой частотности к направленному контекстуальному анализу конкретных лексем, способных выявить специфику эскапистского дискурса в каждом из жанров.

В ходе ручного контекстуального анализа было отобрано и классифицировано 48 эскапистских контекстов употребления лексем «*уход*» и «*бегство*» (включая глагольные и именные формы) в двух подкорпусах. В подкорпусе магического реализма зафиксировано 30 эскапистских контекстов (21 с «*уходом*» и 9 с «*бегством*»), в подкорпусе научной фантастики – 18 (15 с «*уходом*» и 3 с «*бегством*»). Анализ позволил выделить 14 типов контекстуальных паттернов, распределение контекстов по которым представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Типология эскапистских контекстов с лексемами «*уход*» и «*бегство*»

Тип контекста	Магический реализм (n=30)	Научная фантастика (n=18)
Психологическое/ментальное погружение	8 (26,7%)	0
Уход в смерть / небытие / мир иной	5 (16,7%)	0
Технологический/цифровой переход	0	8 (44,4%)
Уход от боли/телесности	0	4 (22,2%)
Измененные состояния (трип, кайф)	0	2 (11,1%)
Метафорический/творческий уход	2 (6,7%)	0
Метафизическая трансформация/дематериализация	2 (6,7%)	0
Паническое/унизительное бегство	1 (3,3%)	0
Исчезновение/забвение	2 (6,7%)	0
Бегство в абстрактное состояние	1 (3,3%)	0
Социально-историческое бегство	1 (3,3%)	0
Бегство от реальности	1 (3,3%)	0
Экзистенциальное бегство / «бегство от жизни»	0	3 (16,7%)
Защитное дистанцирование / другие	7 (23,3%)	1 (5,6%)

В магическом реализме уход часто осмысливается не как линейное перемещение из одной точки пространства в другую, а как движение внутрь – погружение во внутренний мир или абстрактные состояния. На уровне языка этот вектор подтверждается регулярным использованием глаголов целенаправленного движения в сочетании с предлогом «в» и существительными, обозначающими ментальные пространства или замкнутые сферы. Так, уход от реальности может вербализоваться через метафору погружения вглубь собственного сознания: «...*все более в тайном и непрерывном диалоге с младенцем уходила в себя*» (И. Альенде «Дом духов»). Языковым маркером такого перехода становится и уподобление абстрактного состояния защищенному, замкнутому объему: «...*уходил в него (молчание), как в свой дом, в котором мне было уютно*» (А. Юзеев «Не перебивай мертвых»). Даже в тех случаях, когда персонаж перемещается в реальном пространстве, его уход быстро перерастает в психологическое погружение: «*Через пять минут после его ухода Амина Синай направилась к Красному форту, с головой погружаясь в свое собственное приключение*» (С. Рушди «Дети полуночи»). Метафора «с головой погружаясь» в данном контексте прямо указывает на смену физического движения ментальным.

Кроме того, в исследуемых текстах уход от реальности манифестируется как парадоксальное двоемирие или трансформация самого физического присутствия субъекта. С одной стороны, крайняя степень эскапизма может приводить к буквальной потере телесной формы, когда персонаж семантически теряет свои границы в пространстве, если обрывается ментальная связь с другим человеком: «*Когда ее не было рядом с ним, она растворялась, расплывалась, уходила в никуда...*» (И. Альенде «Остров в глубинах моря»). С другой стороны, уход вглубь себя может сопровождаться сохранением телесности, но при этом восприятие внешних физических стимулов деформируется. Субъект либо полностью игнорирует телесные потребности и бытовые ритуалы, уходя в ментальную автономию: «...*в отстраненности от людей, полном уходе в свои дела. Он перестал возиться с детьми. Ел, когда придется, не отмываясь от грязи и глины...*» (Г. Гарсиа Маркес «Сто лет одиночества»), либо, напротив, внешние физические ощущения (например, холод) становятся катализатором для замыкания во внутреннем пространстве: «*Я чувствовал, как холод пробирает меня до костей, сжимал кулаки, уходил в себя*» (И. Альенде «Дом духов»).

Лингвистическим маркером «внутреннего» эскапизма становится противопоставление враждебной или дискомфортной внешней среды и безопасного, хотя и иллюзорного, внутреннего локуса, защищающего личность: «*Я уходил от них в мой тайный мир; страхась их ненависти, не хотел признать...*» (С. Рушди «Дети полуночи»). При этом аналогичным качеством – способностью совершать этот переход, не теряя своей природной сути – наделяются и нечеловеческие субъекты, что подчеркивает органичность процесса: «...*некоторые из них (сосен) уходили в мир иной, ведь мир иной есть и у деревьев*» (А. Юзеев «Не перебивай мертвых»). Наконец, даже в тех случаях, когда сознание полностью перемещается в иные пласты бытия, тело продолжает функционировать как воспринимающий рецептор: «*Тело по-прежнему все воспринимает и чувствует. Просто сознание в другом месте*» (В. Пелевин «Тайные виды на гору Фудзи»). Характерно, что даже в случаях частичного дистанцирования «уход» в магическом реализме сопровождается процессом

дематериализации субъекта: «Казалось, она **уходит, отрываясь от мира**, с каждым часом становясь все более легкой, прозрачной и окрыленной» (И. Альенде «Дом духов»). Таким образом, лексема «уход» и ее варианты в магическом реализме репрезентируют эскапизм как процесс утраты физической плотности и перехода в качественно иную форму существования – ментальную, текстовую или сакральную. В художественной системе магического реализма эскапизм ограничен: тело не отбрасывается, а меняет модус своего существования, подстраиваясь под движение сознания персонажа.

Принципиально иную картину демонстрирует анализ лексемы «уход» в подкорпусе научной фантастики. В отличие от магического реализма, в данном жанре этот процесс утрачивает субъективную трактовку (отсутствуют устойчивые сочетания «в себя», «в свой мир», «в молчание») и приобретает инструментальный характер, становясь осознанным переходом субъекта в виртуальное или цифровое пространство. Исключением можно считать следующий контекст: «...кажется, **впадает в азартное возбуждение**. Что он задумал, даже не надо спрашивать. Чингиз полностью **уходит в себя**. Размышляет... то ли об услышанном, то ли о своём...» (С. Лукьяненко «Фальшивые зеркала»). Однако здесь «уход в себя», в отличие от контекстов магического реализма, приведенных выше, означает сосредоточение, погружение в размышления, а не эскапистский уход от реальности. Это когнитивный процесс, а не психологическое бегство, поэтому данный контекст не рассматривался нами как релевантный при подсчете частот для Таблицы 1.

Основной жанровой характеристикой эскапизма в научной фантастике является его опосредованность. Уход совершается не внутрь себя, а в конкретную технологическую локацию (Глубина, Сеть, Виртуальность) и проявляется как потеря интереса к физической реальности в пользу цифровой среды: «Мир **уходит в глубину**. В отражение реальности. Зачем летать к Луне или Марсу, если здесь уже доступны любые планеты?» (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»); «Миллионы парней и девушек **уходили** от мира и погружались в виртуальную жизнь» (Э. Клайн «Первому игроку приготовиться»).

Контекстуальный анализ выявил специфическую для научной фантастики связь лексемы «уход» с терминами компьютерных технологий и измененных состояний сознания (трипов). Уход часто описывается как управляемый процесс выхода из системы или, наоборот, полного погружения в неё:

- **«Обратный» уход:** «...а **уходя** в оффлайн, оставлял персонажа в беседке, куда не было доступа всем остальным игрокам» (А. Дулепа «Хранитель порталов»); «...мужик контактный, а в узком кругу дайверов-оборотней – признанный лидер. – Мне всё равно придётся **уходить**. Надолго, – честно признаюсь я. Роман часто моргает: – Что? Из сети? Серьёзно? Куда уж серьёзнее...» (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»).

- **«Психо-физический» уход** (Мантов, 2003): «...в последнее время он **уходил** в свои трипы легко и просто» (Д. Нун «Вирт»); «те, кто всерьёз **уходит** в кайф, большую часть времени корчатся по углам» (У. Гибсон «Мона Лиза Овердрайв»).

В данных контекстах «уход» лишается сакральности, становясь либо частью игрового/рабочего протокола, либо химически/технически индуцированным состоянием.

Содержательным отличием, выявленным на основе контекстуального анализа, является акцент на волевом решении субъекта и рационализации ухода. Если в магическом реализме уход часто воспринимается как фатум или чудо, то в научной фантастике это – осознанная стратегия преодоления экзистенциального тупика: «Он не хочет ничего говорить... он устал от одиночества – и хочет теперь **уйти**. Это его право. Это его решение» (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»).

Характерно, что уход в научной фантастике может быть направлен на минимизацию физического страдания через технологическое отчуждение от тела: «Я привык уворачиваться, **уходить** от боли. “Глубина-глубина, я не твой...” И можно спокойно смотреть, как твоё тело уродуют нарисованные монстры» (С. Лукьяненко «Фальшивые зеркала»). Здесь лексема «уходить» реализует значение защитного дистанцирования сознания от телесной оболочки, превращая эскапизм в функциональный навык.

В ряде контекстов «уход» связывается с невозможностью полного отделения субъекта от накопленной им информации. Эскапизм в мире высоких технологий затруднен тем, что сознание перегружено данными, которые «уходят» вместе с ним: «Информация поступает в его мозг. И там остается. Она **уходит с ним**, когда вечером он приезжает домой. Господи помилуй, она примешивается к его снам!» (Н. Стивенсон «Лавина»). Это подчеркивает невозможность «чистого» ухода в научной фантастике: реальность следует за субъектом в форме информационного шума.

Особое место в подкорпусе научной фантастики занимает репрезентация «ухода» как радикального разрыва между биологической оболочкой и разумом субъекта. В отличие от магического реализма, где телесность может трансформироваться (отходя на второй план, становясь «прозрачной»), в научной фантастике тело концептуализируется как отчуждаемый, функционально избыточный объект, «броня» или временное «жилище».

Эскапистский акт здесь достигает своего пика в моменты полной декультурации и отказа от человеческого способа восприятия: «И меняю свой разум. Менять тело не сложно, это словно переклеивать обои в комнате, где обитает разум. А теперь я меняю жильца. Меняю ощущения мира, перестаю мыслить словами...» (И. Царенко «Бессистемная отладка. Адаптация»). В данном контексте «уход» описывается через физиологическую метафору предельной интенсивности – «жизнь **уходит** из меня, словно из пробитой ножом аорты», что подчеркивает болезненность и необратимость разрыва с биологической реальностью ради обретения «иного» смысла.

Тело в эскапистском дискурсе научной фантастики зачастую выступает как бремя, которое субъект оставляет ради безопасности разума: «...я глотал свою радость, собирал её до донца, выскребал начисто. Было плохо – и я **уходил**. Оставляя свою броню один на один с тоской» (С. Лукьяненко «Фальшивые зеркала»). Таким

образом, если в магическом реализме «уход» гармонизирует отношения героя с миром, то в научной фантастике он манифестирует окончательную победу сознания над телесностью, превращая эскапизм в акт технологического самоотречения.

Анализ контекстов в подкорпусе магического реализма показывает, что лексема «бегство» вербализует кризисный, реактивный аспект эскапизма. В отличие от «ухода», который зачастую носит интроспективный и созидательный характер, «бегство» в магическом реализме репрезентируется как вынужденный акт, продиктованный внешней угрозой, социальным катаклизмом или глубоким внутренним разладом.

В исследуемых текстах «бегство» часто сопряжено с радикальной сменой социального статуса и потерей привычной идентичности. Эскапистский акт здесь лишен эстетического изящества, приобретая черты униженного спасения: «*Никому и в голову не придет, что президент в женском платье спасается бегством в тряском автобусе третьего класса*» (С. Рушди «Стыд»). Характерно, что «бегство» часто маркирует исторические разломы, которые персонажи не в силах осмыслить: «*Окрашенный кровью сахар, мятежные рабы, горящие плантации, бегство и эмиграция... оказывалось для них таким же непостижимым, как разговор по-китайски*» (И. Альенде «Остров в глубинах моря»). В данных примерах эскапизм выступает формой исторического или социального отчуждения.

Важно также отметить, что бегство здесь направлено не в пространство, а в состояние: «...*задолго до помрачения его славы и бегства в разочарование...*» (Г. Гарсиа Маркес «Сто лет одиночества»). Частотным является и традиционное для эскапистского дискурса противопоставление воображаемого и действительного: «*А на жаре распустились пышным цветом: фантазия, бегство от реальности, сладострастие*» (С. Рушди «Дети полуночи»). В этом контексте «бегство» выступает как денотат когнитивного сдвига, спровоцированного внешними факторами.

Кроме того, контекстуальный анализ выявляет определенную связь «бегства» с мотивами бесследного исчезновения и забвения: «...*подтолкнули ее к бегству в чуждающие края, где она и канула в неизвестность*» (С. Рушди «Флорентийская чародейка»). Если «уход» может оставлять некоторый след, то «бегство» направлено скорее на полное стирание присутствия субъекта: «...*настала пора двигаться дальше... задействовать план бегства и исчезнуть*» (С. Рушди «Флорентийская чародейка»). Поэтому в данных контекстах бегство как форма эскапизма предстает одновременно и кульминацией личностного пути (движением вперед), и его концом.

Таким образом, в магическом реализме «бегство» наделяется семантикой неизбежного исчезновения и эмоционального поражения. Эскапизм-«бегство», в отличие от эскапизма-«ухода», заключается в попытке спастись от неконтролируемой реальности, причем сама эта попытка зачастую приводит к фатальному исходу.

В подкорпусе же научной фантастики лексема «бегство» практически полностью лишается интроспективности, характерной для магического реализма, и переходит в плоскость социально-технологического противостояния. «Бегство» становится вынужденной реакцией на «жестокость» реального мира или попыткой преодоления жестких алгоритмов существования. При этом некоторые авторы напрямую говорят о феномене «эскапизма» в отношении своих героев: «*Но это все – эскапизм. Бегство от жизни. – Конечно. И собирание марок, и игра в покер... все является бегством от жизни*» (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»). Здесь эскапизм десакрализуется, становясь бытовой стратегией выживания в мире, лишенном общих ценностей.

Для жанра научной фантастики характерно понимание бегства как радикального, часто катастрофического разрыва с враждебной средой, где единственной альтернативой является полное поглощение субъекта социумом: «*А единственный путь бегства – остановиться, броситься очертя голову в жестокий мир, который тебя поглотит, и никто больше о тебе и не вспомнит*» (Н. Стивенсон «Лавина»).

Особую значимость в научной фантастике имеет оппозиция «бегство – заточение». Если в магическом реализме бегство было освобождением, то в технологизированном мире научной фантастики оно может парадоксально осознаваться как переход в иную форму несвободы: «*Утихни, – я встаю. “Утихни” – это безусловный приказ, после него программа спорить не смеет. Шаг влево, шаг вправо... Ха-ха. Нет, это не попытка к бегству, это скорее добровольное заточение*» (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»). Таким образом, в научной фантастике «бегство» фиксирует предельную точку социального отчуждения, когда любой акт эскапизма является лишь попыткой «искать маленькие-маленькие цели. И жертвовать им свою жизнь...» (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»).

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ контекстуальных паттернов лексем «уход» и «бегство» позволил зафиксировать устойчивые жанровые различия в репрезентации эскапизма. В магическом реализме эскапизм вербализуется как интроспективное движение: уход осмысливается как ментальное погружение во внутренний мир, бегство – как вынужденный акт, нередко ведущий к исчезновению или фатальному исходу. В научной фантастике, напротив, эскапизм приобретает рационализированный, технологически опосредованный характер: уход связан с виртуальными пространствами и управляемым дистанцированием от телесности, бегство маркирует предельную точку социального отчуждения. Эти различия устойчиво проявляются в контекстуальных паттернах, что свидетельствует о влиянии жанра на языковые средства репрезентации эскапизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Первый этап исследования позволил теоретически обосновать выбор рассматриваемых единиц для последующего корпусного анализа. В ходе лексикографического анализа ключевых лексем-репрезентантов эскапизма («уход», «бегство») с привлечением толковых, энциклопедических словарей, синоними-

ческих ресурсов и данных тезауруса RuWordNet была выявлена их семантическая структура в общезыковом сознании. Установлено, что лексема «*уход*» обладает сложной многокомпонентной структурой, включающей пространственное («*удалиться*», «*спастись бегством*»), ментально-психологическое («*отдаться*», «*посвятить себя*», «*уйти с головой*») и защитное («*спасение*») измерения. Лексема «*бегство*» семантически маркирует экстренное, вынужденное дистанцирование от источника угрозы.

2. В рамках формирования эмпирической базы исследования был составлен корпус из 55 романов на русском языке, структурно разделённый на два жанровых сегмента (магический реализм и научная фантастика) с учётом происхождения текстов (оригинальные и переводные) и хронологического охвата. Проведённая стилеметрическая верификация с использованием метода Classic Delta при различных порогах отбора признаков (от MFW = 100 до MFW = 1000) подтвердила жанровую консистентность сформированных подкорпусов, выявив при этом ряд текстов-медиаторов (антиутопии Е. Замятина и О. Хаксли, а также отдельные произведения С. Кинга и М. Петросян), которые были исключены из финального корпуса для обеспечения однородности анализируемого материала. В результате финальный корпус составил 39 романов (20 текстов магического реализма и 19 текстов научной фантастики).

3. Контекстуальный анализ (KWIC) употреблений лексем «*уход*» и «*бегство*», проведённый с помощью корпус-менеджера AntConc с последующей ручной классификацией отобранных контекстов, позволил выявить и типологизировать 14 типов эскапистских контекстов. В подкорпусе магического реализма зафиксировано 30 эскапистских контекстов (21 с лексемой «*уход*» и 9 с «*бегством*»), в подкорпусе научной фантастики – 18 (15 и 3 соответственно). Ручная верификация контекстов обеспечила снятие лексической многозначности и позволила дифференцировать релевантные эскапистские употребления от омонимичных (например, «*уход в себя*» в значении сосредоточенного размышления в научной фантастике был исключен из анализа как не соответствующий эскапистской семантике).

4. Компаративный анализ полученных данных позволил выявить принципиальные жанрово-специфические различия лексико-семантических моделей эскапизма. В магическом реализме эскапизм репрезентируется как интроспективное движение: лексема «*уход*» связана с ментальным погружением во внутренний мир («*уходить в себя*», «*уходить в молчание*»), нередко сопровождающимся дематериализацией телесности, но не полным отказом от нее, а лексема «*бегство*» репрезентирует вынужденный, кризисный акт, ведущий к исчезновению или фатальному исходу. В научной фантастике, напротив, эскапизм утрачивает метафизический характер и предстаёт как рационализированный, технологически опосредованный переход: лексема «*уход*» отражает эскапизм, опосредованный виртуальными пространствами («*уходить в глубину*», «*уходить в сеть*»), управляемое дистанцирование от тела, которое воспринимается как оболочка, и индуцированные состояния сознания («*трип*», «*кайф*»), тогда как лексема «*бегство*» маркирует предельную точку социального отчуждения, зачастую парадоксально оборачиваясь новой формой заточения.

Одной из перспектив дальнейшей работы является расширение набора анализируемых лексем-репрезентантов – в частности, за счёт включения номинаций, обозначающих саму реальность («*действительность*», «*реальность*»). Подобное дополнение позволит реконструировать лексико-семантическое поле эскапизма в более полном объеме.

Материалы исследования | Research materials

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004.
2. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М. – СПб.: Советская энциклопедия; Фонд «Ленинградская галерея», 2002.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.
4. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>
6. Словарь русских синонимов. <https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/>
7. Словарь синонимов русского языка. <https://gufo.me/dict/synonyms>
8. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2012. <https://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/fc/slovar-221-12.htm#zag-20537>
9. RuWordNet. <https://ruwordnet.ru/ru>
10. Sinclair S., Rockwell G. Voyant Tools. 2016. <http://voyant-tools.org/>

Источники | References

1. Бритиков А. Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917-1991 годы): в 2 кн. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб.: Творческий центр «Борей-Арт», 2005. Кн. 2: Некоторые проблемы истории и теории жанра.
2. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998.
3. Зубов А. А. Фантастическое и теория жанров // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1.

4. Кабанова Н. Е., Селиверстова М. О. К вопросу о жанровых особенностях фантастической литературы // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 5. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3894906>
5. Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? М.: Художественная литература, 1974.
6. Камайданова Н. А. Вариант системных отношений между фразеологическими единицами, объединенных понятием «Человек» (на материале английского языка) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2017. № 3 (13).
7. Лукашевич Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Московский государственный университет, 2011.
8. Ляпунов Б. В. В мире фантастики: обзор научно-фантастической и фантастической литературы. Изд-е 2-е, доп. и перераб. / предисл. Е. Брандиса. М.: Книга, 1975.
9. Мантов Р. Е. Виды эскапизма и современное искусство: на материале кинематографа: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2003.
10. Маслова Е. Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 10.
11. Путило О. О., Савина Л. Н. О жанровых границах фэнтези и научной фантастики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. № 10 (193).
12. Теславская О. И., Кардапольцева А. А., Беловол Е. В., Савченко Т. Н. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. <https://doi.org/10.7868/S0205959217060058>
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995.
14. Фёдоров Н. А., Северина Е. М. Эскапизм как лингвостилистический феномен: цифровой анализ (на материале романов магического реализма и научной фантастики) // Филология: научные исследования. 2026. № 2. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2026.2.78128>
15. Шамсутдинова Н. З. «Магический» реализм в современной британской литературе: Анжела Картер, Салман Рушди: дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
16. Anthony L. AntConc: a learner and classroom friendly, multi-platform corpus analysis toolkit // IWLeL 2004: An Interactive Workshop on Language E-Learning: Proceedings of the Workshop. Waseda University, 2005.
17. Bowers M. A. Magic(al) Realism. L.: Routledge, 2004.
18. Lovén S. Also make the heavens: virtual realities in science fiction. Uppsala: Avdelningen för Litteratursociologi vid Litteraturvetenskapliga Institutionen i Uppsala, 2010.

Информация об авторах | Author information

Фёдоров Никита Александрович¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Nikita Aleksandrovich Fedorov¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ nfyodorov@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.07.2026; опубликовано online (published online): 21.08.2026.

Ключевые слова (keywords): феномен эскапизм; лексико-семантическая модель; магический реализм; научная фантастика; цифровые методы; phenomenon of escapism; lexical-semantic model; magical realism; science fiction; digital methods.